

новенно рельефно и образно описывает эти «печальные» чувства: «Ревность, чувство своего ничтожества, раскаяние в своем разврате, стыд от всего стыдного и, кажется, всего больше *стыд стыда*, стыд того унижения, которое чувствуется в стыде, — все это я испил до капли, все это я раздувал в огромные муки и носился с ними по годам».¹²⁷

Страхов беспощаден к себе, вынося свою душу на суд Толстого, которого он, как и многие другие современники (в том числе «коварный» Лесков), сильно идеализировал. «Думаю, что я не какой-нибудь гадкий или преступный, или отчаянно-грешный человек. Я в известном отношении хуже — я человек безжизненный, в котором мало души, нет воли в смысле живых стремлений. Я во всех сферах неудавшийся, ни в чем не сформировавшийся, ни в какую форму не отлившийся человек, потому что во мне не было настолько формирующей силы, притяжения к жизни. Ни один инстинкт не говорил во мне так сильно, чтобы определить мои поступки и образ жизни. Я правильно сделал, отказавшись наконец вовсе от жизни; я не умею жить и не хочу за это браться». Коснулся Страхов, не слишком погружаясь в подробности, и «женского вопроса» в сугубо приватном смысле: «Я ни за одну не волочился в настоящем смысле пристрастия и никогда не собирался жениться. Две мои связи произошли оттого, что того хотели эти женщины, а не я. Это стыдно сказать мужчине, и я за это наказан больше, чем стою».¹²⁸

Вот в каком «хаотическом и печальном свете», изо всех сил стараясь быть правдивым, представил Страхов свою «внутреннюю» биографию Толстому, сильно удивив того отчаянным «спуском в ад». Он пишет пространственный ответ, но не посылает его. Толстой так поступал часто, хорошо зная, что неосторожное, неловкое слово может больно ранить и нанести непоправимый ущерб отношениям. Неотправленные письма потому-то и важнее посланных: они откровеннее, острее, содержательнее, свободны от дипломатических приправ. И в неотправленном письме к Страхову Толстой без обиняков высказал свои чувства: «Вы пишете мне, как бы вызывая меня. Да я и знаю, что вы дорожите моим мнением, как я вашим, и потому скажу всё, что думаю (...). Чужое виднее. И мне вы ясны. Письмо ваше очень огорчило меня. Я много перечувствовал и передумал о нем. По-моему, вы больны духовно».¹²⁹ А потом Толстой дает превосходное определение болезни, весьма распространенной, но протекающей с характерными индивидуальными отличиями у разных людей: «И ваша болезнь вот такая. В нас две природы — духовная и плотская. Есть люди, живущие одной плотью и не понимающие того, как можно центр тяжести свой переносить в духовную жизнь. Я называю переносить центр тяжести в духовную жизнь то, чтобы вся деятельность руководилась духовными целями. Есть люди счастливые — наш народ, буддисты, помните, о которых вы говорили, которые до 50 лет живут полной плотской жизнью и потом вдруг переступают на другую ногу, духовную, и стоят на ней. Есть еще более счастливые, для которых творить волю Отца есть истинный хлеб и истинное питье и которые смолоду стали на эту ногу духовную. Но есть такие несчастные, как мы с вами, у которых центр тяжести в середине и они разучились ходить и стоять. Всё в том мире, в котором мы жили, так перепутано — всё плотское так одето в духовный наряд, всё духовное так облеплено плотским, что трудно разобрать. Я хуже вас и потому счастливее в этом горе. Во мне плотские страсти были сильны и мне легче раскочнуться и разобрать, где то, где другое, но вы совсем спутаны.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Там же. С. 543.

¹²⁹ Там же. С. 545.